

УДК 159.922.4+159.91+159.943+397

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ И АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Е. С. Гольдшмидт, В. В. Поддубиков

INTENTIONAL FACTORS OF ETHNO-PSYCHOLOGICAL ORIGINALITY AND ADAPTIVE CAPACITY OF SMALL-NUMBERED INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

E. S. Goldschmidt, V. V. Poddubikov

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-01-18098 "Этнологическая экспертиза: комплексное исследование социально-профессиональной структуры, факторов занятости и успешного функционирования на рынке труда представителей социально уязвимых групп коренных малочисленных народов в регионах юга Западной Сибири".

Статья посвящена проблеме психологической адаптированности и интеграции в современные социально-экономические условия социально уязвимых малых коренных народов юга Западной Сибири (шорцев, кумандинцев, тубалар и телеутов). Анализируются результаты исследования интенциональных факторов этнопсихологического своеобразия в поведении. Обсуждаются сходство и различия спектра доминирующих инстинктов, эмоциональных направленностей и особенностей функциональной асимметрии мозга у представителей коренных малочисленных этносов с представителями некоторых профессий, студентами и школьниками из числа носителей современной доминирующей культуры. Авторы обсуждают необходимость дальнейшего углубленного изучения проблемы.

The paper is devoted to the problem of psychological adaptation and integration in the modern social-economic conditions of the socially vulnerable indigenous peoples of the South of Western Siberia (Shors, Kumandins, Teleuts and Tubalars). The authors present the results of the research of the intentional identity in ethno-psychological factors in behavior. The paper discusses the similarities and differences of the spectrum of the dominant instincts, emotional tendencies and the peculiarities of the functional asymmetry of the brain in representatives of indigenous peoples with representatives of some professions, students and pupils from a number of carriers of modern dominant culture. The authors debate the necessity of further in-depth study of the problem.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, интенциональность, инстинкты, эмоциональная направленность, функциональная асимметрия, архетипы.

Keywords: indigenous peoples, intentionality, instinct, emotional orientation, functional asymmetry, archetypes.

В настоящее время в связи с бурными социально-экономическими преобразованиями, которые тянутся в нашей стране уже десятилетиями и затрагивают различные аспекты внутригосударственной жизни, снова обостряется проблема адаптации и интеграции в современные социально-экономические условия коренных малочисленных народов [14], которые относятся к числу социально уязвимых групп, что определено влиянием множества разнонаправленных факторов как экзогенной, так и эндогенной природы. Одной из важнейших, но относительно мало изученных групп эндогенных факторов является интенциональность малочисленных этносов, особенности их эмоциональной, бессознательной (инстинктивной) направленности, их психофизиологическая, «архетипическая» конституция.

Изучение особенностей ценностных ориентаций, личностных смыслов представителей малых коренных народов часто осложняется тем, что их быт, социальные отношения, уровень образования затрудняют проведение классических исследований со стандартными опросниками, т. к. в ходе исследования проявляются этнопсихологические, семантические особенности респондентов и результаты могут существенно искажаться.

В нашем исследовании, направленном на изучение интенциональных факторов этнопсихологическо-

го своеобразия в поведении, направленности, психофизиологических механизмах адаптации мы придерживаемся концепции, базирующейся на работах Сухарева, Гарбузова, Либины и др., преимущественно опирающихся на изучение бессознательных основ, механизмов формирования отношения и взаимодействия человека с миром [2; 11; 17]. Исследования этнопсихологических особенностей коренных народов обязательно включают в себя изучение функциональной асимметрии в связи со спецификой отношения данных сообществ к природе и ее изменениям (чаще – деградации), к социально-экономическим изменениям, к культуре титульной нации [15].

На этой основе возможно изучение глубинных психофизиологических, образно-эмоциональных и ценностных механизмов функционирования индивидуумов и сообществ. Для этого можно выделить следующие взаимноувязанные направления, ставшие основой нашего исследования.

1. Направленность личности, обусловленная инстинктивными векторами, драйвами развития личности, отражающими ее базовое, биопсихическое взаимодействие с миром.

2. Психофизиологические свойства, связанные с общими механизмами работы мозга.

3. Архетипически-когнитивная, образная направленность, психическая конституция.

4. Эмоциональная направленность, соответствующая уровню социального импринтирования.

Теоретический анализ современных подходов к изучению проблемы интенциональной направленности позволяет говорить нам о том, что на сегодняшний день в современной психологии нет единого толкования таких терминов, как: «инстинкт» и «направленность», «интерес» и «потребности», эти понятия часто отождествляются или взаимно пересекаются. Феномен интенциональности имеет давнюю историю изучения. Сам термин впервые появился у средневековых схоластов (от лат. *intentio* – стремление), но уже скоро приобрел расширенное толкование – разумная энергия, субъективный смысл, движение души. Необходимо отметить, что в феномене интенциональности можно выделить два полюса проявления – когнитивно-смысловой и мотивационно-потребностный, что можно соотнести с доминированием левого и правого полушарий мозга соответственно [4]. Вопрос о том, что движет человеком, как это формируется, куда направлено развитие – это один из ключевых для антропологических наук вообще и психологии в частности.

В нашей работе центр тяжести переносится от смыслового аспекта к побуждающему, мотивирующему (от лат. *moveo* – двигаю, толкаю). Мотивационный аспект тесно связан с эмоциональным (от лат. *emovere* – выдвигать, волновать, колебать) и потребностными аспектами. Изучению мотивационной (эмоционально-потребностной) сферы личности, ее направленности и близкой к ней проблемы инстинктов (от лат. *instinctus* – естественное побуждение, от *instinguere* – подстрекать) человека посвящено множество работ исследователей, использующих различные подходы [1; 4; 5].

Происходящие в современном обществе, в мировых масштабах «сокрушительные» перемены ставят личность (особенно «традиционного» типа) перед необходимостью совершения множества тактических и стратегических выборов. При этом зачастую предварительно усвоенные способы, стратегии, ценности и смыслы уступают место новым, преимущественно бессознательным, эмоциональным, даже инстинктивным мотивам, особенно в критических ситуациях.

Формируется целый спектр этнофункциональных рассогласований, содержащихся во внутренней и внешней информационной среде человека, которые могут служить «катализаторами» возникновения выраженных психических и психологических дезадаптаций, психопатологических признаков, имеющих конкретную психогенетическую обусловленность [17].

Целью настоящей работы явилось изучение эндогенных интенциональных факторов, определяющих характер направленности взаимодействия представителей коренных малочисленных народов юга Западной Сибири.

Задачи исследования:

1) изучение различных уровней интенциональности (инстинктивного, психофизиологического, архетипического и эмоционального) у каждого из четырех выбранных этносов;

2) оценка степени согласованности изученных уровней внутри этносов;

3) сравнение полученных данных с аналогичными исследованиями представителей титульной нации.

Описание исследованного контингента. Исследование было проведено в июне 2015 года в режиме комплексной научной экспедиции в регионах юга Западной Сибири, в частности в Кемеровской области, Алтайском крае и Республике Алтай. В исследовании приняли участие тубалары, проживающие в поселках Артыбаш и Иогач (Артыбашское сельское поселение Турочакского района Республики Алтай), а также в поселке Кебезень (Кебенское сельское поселение Турочакского района Республики Алтай); кумандинцы – в Красногорском сельском поселении Красногорского района Алтайского края; шорцы из поселка Кабырза Кабырзинского сельского поселения Таштагольского района Кемеровской области; телеуты из села Беково, поселка Челухоево и села Верховская Бековского сельского поселения Беловского района Кемеровской области.

Всего в ходе исследования было протестировано 67 человек, из них: тубалары – 12 человек (4 мужчин, остальные – женщины), кумандинцы – 12 человек (4 мужчин, остальные – женщины), шорцы – 18 человек (6 мужчин) и телеуты – 25 человек (3 мужчин). Всего в исследовании приняли участие 17 респондентов мужского пола (25 %) и 50 – женского (75 %). Самому младшему участнику исследования 14 лет, самому старшему – 64 года. В зависимости от национальности массив опрошенных по возрасту распределился совершенно неравномерно, поэтому по данному показателю не рассматривался и средний возраст не определялся.

Распределение опрошенных в зависимости от образования: не признался, что совсем не имеет образования ни один человек, начальное общее, т. е. менее 8 классов закончили 4 человека (6 %), основное общее (8 или 9 классов) образование получили 9 человек (13 %), среднее общее образование, т. е. 10 или 11 классов закончили 13 человек (19 %), отметили, что имеют среднее профессиональное образование (училище, техникум, колледж) 20 человек (30 %), закончили вузы 12 человек (18 %). Оставшиеся 14 % не указали своего образования.

В связи с тем, что опрошенный и протестированный контингент характеризуется слишком большой неравномерностью по демографическим и психологическим характеристикам, дальнейшая оценка и интерпретация проводилась преимущественно качественно, с использованием самых доступных подходов (ранговая, процентная оценка).

Методы исследования

Оценка профиля доминирования инстинктов. С целью определения доминирующего инстинкта нами были объединены две анкеты, разработанные В. И. Гарбузовым – первая опубликована и описывает 7 инстинктов [18], а вторая – 8 инстинктов [2]. Был сформирован опросник, включавший вопросы-утверждения из двух вышеуказанных источников и определявший степень выраженности инстинкта по пятибалльной шкале.

Согласно первичной концепции В. И. Гарбузов [18] выделил семь инстинктов: самосохранения, про-

должения рода, альтруистический, исследования, доминирования, свободы и сохранения достоинства. Инстинкты группируются в диады: диада А включает в себя инстинкты самосохранения и продолжения рода, и она – базовая, обеспечивающая физическое выживание особи и вида. Диада Б включает в себя исследовательский инстинкт и инстинкт свободы, она обеспечивает первичную специализацию человека. Диада В включает в себя инстинкты доминирования и сохранения достоинства и обеспечивает самоутверждение, самосохранение человека в психосоциальном плане. Все вместе эти три диады в самом общем виде обеспечивают адаптацию человека в реальной жизни. Инстинкт альтруизма социализирует эгоцентрическую сущность всех остальных инстинктов.

В дальнейшем Гарбузов [2] добавил инстинкт агрессии, что, по нашему мнению, позволяет сформировать еще одну диаду – Г, которая объединяет инстинкты агрессии и альтруизма в блок, соответствующий по Сонди Вектору С «общение» [4].

Обычно в норме у человека один или несколько инстинктов доминируют, остальные же выражены слабее, но полноценно влияют на ориентировку личности в какой-либо деятельности. В зависимости от того или иного инстинкта вытекает первичная фундаментальная типология индивидуальности. И каждый человек принадлежит к одному из восьми типов. Далее приведены краткие личностные характеристики на основе ведущих качеств в рамках вышеприведенной типологии.

«Эгофильный» тип: эгоцентричность, консерватизм, готовность поступиться социальными потребностями ради собственной безопасности, отрицания риска, тревожность в отношении своего здоровья и благополучия.

«Генофильный» тип: сверхлюбовь к своим детям, семейственность, сверхзабота о безопасности и здоровье своих детей, сверхтревожность относительно своих детей.

«Альтруистический» тип: доброта, сопереживание, понимание людей, бескорыстность в отношениях с людьми, забота о слабых, больных, миролюбие.

«Исследовательский» тип: склонность к исследовательской деятельности, склонность к поиску нового в различных областях, способность без колебаний оставлять обжитое место, налаженное дело при появлении новых, интересных дел и задач.

«Доминантный» тип: склонность к лидерству, к власти, предрасположенность к решению сложных задач, приоритет перспектив служебного роста над материальными стимулами, готовность к жесткой борьбе за лидерство, за первое место.

«Либеральный» тип: склонность к протесту, бунтарству, предрасположенность к перемене мест (отрицание будничности), стремление к независимости, склонность к реформаторству, революционным преобразованиям, нетерпимость к любым формам ограничения, к цензуре, к подавлению «я».

«Дигнилофильный» тип: нетерпимость к любым формам унижения, готовность поступиться благополучием и социальным статусом во имя собственного достоинства, приоритет чести и гордости над безопасностью, бескомпромиссность и прямота.

«Агрессивный» тип: решительный, энергичный, деятельный, мужественный, суровый, жестокий, беспощадный.

Методы оценки функциональной асимметрии мозга. Для определения индивидуальных особенностей функциональной асимметрии мозга (ФАМ) использовали комплекс, разработанный сотрудниками кафедры физиологии человека и животных КемГУ [3]. Методика включает в себя блоки тестов для определения моторной, сенсорной и психической асимметрий, латерализации центра речи. В данном исследовании оценивалась в первую очередь общая асимметрия (ОА) в % преобладания «правшества» или «левшества» от общего числа субтестов, доля в % правых, левых и неопределенных признаков, а так же – сила межполушарных взаимосвязей в баллах (от 0 до 1).

Конструктивный рисунок человека из геометрических форм. Проективный тест конструктивный рисунок человека из геометрических форм (ТиГр) представляет из себя инструмент интегрального исследования личности, базирующийся на различных междисциплинарных концепциях [10]: исследованиях пиктографических изображений как маркеров невербального поведения, использования проективных рисунков человека как маркера психологического развития, использования геометрических форм как маркера когнитивных процессов, архетипический подход в оценке геометрических семантических универсалий, изучение индивидуально-типологических особенностей.

В ходе тестирования респонденту предлагается нарисовать фигурку человека, составленную только из трех типов фигур: треугольников любой пропорции и размера (овалов) и четырехугольников (все – любых видов). Количество используемых фигур жестко ограничено – только 10.

В настоящем исследовании использовалась упрощенная цифровая система оценки, когда результат представлен трехзначным числом – количество использованных треугольников кодируется сотнями, кругов – десятками, а четырехугольников – единицами. Естественно, что сумма цифр всех разрядов должна быть равна 10. Система интерпретации, позволяющая обобщенно оценить эмоциональность и профессиональную (типологическую, архетипическую) направленность представлена в [18].

Оценка эмоциональной направленности личности

Использовалась анкета – опросник Б. И. Додонова [12]. Ниже приводится классификация «ценностных» эмоций.

1. Альтруистические эмоции. Возникают на основе потребности в содействии, помощи, покровительстве другим людям.

2. Коммуникативные эмоции. Эти эмоции возникают на основе потребности в общении. Коммуникативные переживания нередко близки к альтруистическим. Не всякая эмоция, возникающая при общении людей, является непременно коммуникативной. Коммуникативными являются только те из них, которые возникают как реакция на удовлетворение или не-

удовлетворение стремления к эмоциональной близости (иметь друга, сочувствующего собеседника и т. п.).

3. Глорические эмоции (от лат. gloria – слава). Эти эмоции связаны с потребностью в самоутверждении, в признании, в «пожинании лавров».

4. Практические эмоции. Термин «практические чувства» введен в употребление П. М. Якобсоном, предложившим назвать так переживания, вызываемые деятельностью, изменением ее в ходе работы, успешностью или неуспешностью ее, трудностями ее осуществления и завершения.

5. Пугнические эмоции (от лат. pugna – борьба) – происходят от потребности в преодолении опасности, на основе которой позднее возникает интерес к борьбе.

6. Романтические эмоции. Под романтизмом имеется в виду стремление ко всему необычайному, необыкновенному, таинственному. Чувство таинственности появляется только там, где мы живо «ощущаем» свою включенность в число объектов, на которые распространяется действие загадочного фактора, особенно когда ему приписывается сознательная воля, одухотворенность. Чувство таинственного включает в себя ожидание, что произойдет что-то, что окажет решающее влияние на (мою) судьбу.

7. Гностические эмоции. Гностические (от греч. gnosis – знание) эмоции описываются в учебниках психологии под рубрикой интеллектуальных чувств. Часто, однако, при этом в одном ряду оказываются и конкретные переживания (удивление), и свойства личности (чувство нового). Нас интересуют только первые. Гностические эмоции мы связываем с потребностью в «когнитивной гармонии».

8. Эстетические эмоции. Категория эстетических чувств выделена давно. Тем не менее в вопросе о природе и самом составе эстетических переживаний до настоящего времени остается еще много неясного. Сложность проблемы состоит в том, что эстетические отношения к изображаемому проявляются через все другие чувства – радость, гнев, тоску, отвращение, страдание, горе и т. д. Однако не ясно, что представляет собой эстетическое чувство в чистом виде, без тех чувств, которые ему сопутствуют.

9. Гедонистические эмоции. К указанной категории отнесены эмоции, связанные с удовлетворением потребности в телесном и душевном комфорте.

10. Акquisитивные (акзиситивные) эмоции (от франц. acquisition – приобретение). Эти эмоции возникают в связи с интересом к накоплению, «коллекционированию» вещей, выходящему за пределы практической нужды в них.

11. Лирические эмоции – грусть, тоска по прошлому, абстрактные эмоции по поводу несбывшихся надежд.

Анализ результатов исследования

Инстинктивная структура поведения представителей малых коренных народов. В экспедиционных условиях достаточно трудно соблюсти равные условия при проведении тестирования, что проявилось в резко различающихся стилях заполнения анкет респондентами. В связи с этим для каждого респон-

дента рассматривались только относительные величины выраженности того или иного инстинкта. Получены следующие результаты.

Из 10 **тубалар**, заполнивших анкеты, у 9 доминировал инстинкт генофилии (семейные ценности, родственные отношения). Остальные инстинкты доминировали существенно реже (по 2 – 3 случая, чуть более – 4 – у инстинкта достоинства), а инстинкт эгофилии («эгоизм») вообще не доминировал ни у одного опрошенного.

У **кумандинцев** (12 респондентов) в целом структура инстинктов сходная, но практически не выражены инстинкты доминирования и агрессии, тогда как у остальных – промежуточное положение (2 – 3 случая для инстинкта доминирования и 4 – инстинкта достоинства). На основе имеющегося в нашем распоряжении ограниченного массива наблюдений невозможно эмпирически достоверно подтвердить видимые различия в инстинктивной структуре поведения обследованных этнических групп. Однако, даже этих данных достаточно для того, чтобы отметить, что кумандинцы, к примеру, отличаются незначительным уровнем агрессии (в широком смысле) в инстинктивной структуре поведения, проявляя при этом заметные признаки эгоцентризма.

Среди 21 опрошенного **телеута** так же наблюдается абсолютное доминирование генофилии (18 случаев), но присутствует также альтруизм (9 случаев) и инстинкт свободы (5 случаев). Таким образом, можно предполагать, что телеуты в существенной альтруистичны (возможно, и в отношении «чужих»), а также свободолюбивы.

Шорцы (15 респондентов) демонстрируют сходную с телеутами картину, но вместо свободы у них активен инстинкт чести и достоинства (7 случаев), что, делает их более уязвимыми для оскорблений и ущемлений со стороны окружающих.

Можно заключить, что основная структура инстинктивной направленности у опрошенных представителей малых коренных малочисленных народов очень сходная и проявляется в практически абсолютном доминировании родовых, семейных, «генетических», традиционных ценностей и предельно низкой эгоистичности. В то же время существует достаточно четко выраженная этническая специфика: тубалары и кумандинцы в значительной степени альтруистичны; последние к тому же незначительно агрессивны и практически не доминантны; телеуты демонстрируют большую альтруистичность и свободолюбие, чем иные группы коренных малочисленных этносов; а шорцы сравнительно более альтруистичны и склонны к обидчивости (инстинкт достоинства).

Для сравнения: ранее нами проводилось исследование уровня доминирования инстинктов у студентов КемГУ [13]. В результате у студентов направления «Государственное муниципальное управление» выявлено доминирование преимущественно дигнитофильного инстинкта, а также генофилии и доминирования. У 1/3 из них динитофильный инстинкт оказался единственным доминирующим. Кроме того, у девушек (которых в выборке было значительно больше, как, собственно, и женщин среди обследованных нами представителей малочисленных народов) это домини-

рование выражено существенно ярче. У студентов юридического факультета ситуация сходная, но у юношей более сильно выражен инстинкт дигнилофиллии, хотя есть и случаи доминирования генофиллии, тогда как у девушек картина более расплывчатая – генофиллия, альтруизм, доминирование и дигнилофиллия, с преобладанием двух последних.

Другое исследование, проведенное так же со студентами КемГУ, обучающимися на специальностях «Социальная работа» и «Психология» [19] показало, что в иерархии инстинктов доминирует инстинкт продолжения рода (генофиллия), далее в порядке ослабления исследовательский инстинкт, сохранения достоинства (дигнилофиллия), свободы и эгофиллия.

Таким образом, можно говорить о преимущественно конкурентной, агрессивной, доминантной инстинктивной направленности представителей современного общества, что существенно уменьшает возможности малочисленных этнических групп в совместной профессиональной деятельности, возможность повышать свой профессиональный и социальный статус в современных условиях.

Оценка функциональной асимметрии представителей коренных малочисленных народов.

Исследование ФАМ у **кумандинцев** показало, что из 12 человек только у одной девочки ОА = -16 % (выраженное левшество), у всех остальных членов группы правая ОА со средним значением +51 %, что свидетельствует о достаточно хороших возможностях адаптации к социальному окружению, это подтверждает средняя доля правых признаков П = 68 %. Необходимо отметить – в группе высока доля людей с высоким уровнем (более 20 %) левых признаков (Л = 22,2 %), что может свидетельствовать о высоком творческом потенциале и/или образном мышлении – и таких 58 %.

Достаточно высок средний уровень нулевых признаков (Н = 10 %) и лиц со значением Н более 10 % – таких 50 %. Это значит, что в исследованной группе наблюдается высокий потенциальный уровень невротизации. Высокий средний уровень межполушарных взаимодействий МПВ = 0,57 вкпе с высокой долей левшества и неопределенности может свидетельствовать о возможных стрессах и их психосоматических последствиях.

Результаты у **туболар** следующие. ОА = 52 %, П = 72 %, Л = 20 %, Н = 9 %, а МПВ = 0,53. Такие показатели практически повторяют показатели предыдущей группы.

У **телеутов** показатели практически сходные: ОА = 46 %, П = 71 %, Л = 20 %, Н = 14 % и МПВ = 0,7. Тем не менее есть некоторые отличия – в группе почти у половины (9 из 22) высокий уровень левшества (более 20 %) и у 14 – высокий уровень нулевых асимметрий. Вместе с чуть повышенным МПВ это можно интерпретировать как дальнейшее повышение творческой активности и готовности к невротизации, соматизации стрессов.

Результаты **шорцев**: ОА = 47 % без учета двух человек с высоким левшеством, П = 61 %, Л = 24 %, Н = 15 %, МПВ = 0,73. В группе более половины (10 из 18) респондентов с высоким левшеством и еще

больше (11) с высокой долей неопределенных признаков. Все это указывает на самую неблагоприятную ситуацию у шорцев, выражающуюся в существенной невротизации и соматизации стрессов, повышенной общей эмоциональности.

Ранее нами проводилось исследование асимметрии у школьников различного возраста [3]. В процессе обучения количество левых и неопределенных асимметрий неуклонно снижается. Кроме того, при наличии отклонений в поведении и низкой успеваемости исковые показатели асимметрии существенно приближаются к таковым у обследованных представителей коренных малочисленных народов.

Интересны результаты исследования асимметрии у тувинцев [11, 20], причем необходимо отметить, что принципы оценки асимметрии в данных случаях были применены несколько отличные от наших. Сравнение тувинских и русских юношей и девушек, проживающих в Туве, показало, что среди тувинцев примерно в два раза чаще встречаются лица с преобладанием левых признаков и в три раза чаще – амбидекстры. При этом в случае наличия алкоголизма показатели растут у обеих групп в 1,5 раза.

Во-втором исследовании сравнивались показатели студентов тех же национальностей. Выяснилось, что асимметрия тувинских студентов очень близка к таковой русских и имеет ту же тенденцию развития в процессе обучения.

Т. о. можно утверждать, что представители малых народов, проживающие на родной территории и ведущие «негородской», далекий от современного «европейского» образа жизни, характеризуются избыточной долей левых и неопределенных показателей, что, по данным многих исследователей, существенно затрудняет адаптацию к рациональному, западному образу жизни, они более склонны к уходу в болезни и к формированию различных зависимостей (чаще – алкогольных) [9; 20].

Архетипическая, психическая конституция, профессиональная готовность

В данном разделе приводятся результаты проективного тестирования (тест ТиГр). В связи с тем, что методика предполагает 9 типов профессиональной направленности, нами были выделены две основные группы: эмоционально жесткие, черствые, склонные к работе с фиксированными условиями и эмоциональные, творческие, нестабильные.

У **кумандинцев** выявлены обе основные группы: эмоционально жесткие – 4 из 12 респондентов и эмоциональные, творческие, нестабильные – 6 из 12.

Из 10 выполнивших тест **туболар** в первую, как и во вторую группу вошли по 3 человека, у остальных 4 – тип менее определенный.

Среди 21-го **телеута** оказалось 6 представителей жесткого типа и 11 – мягкого. Т. о. телеуты могут быть охарактеризованы как более других склонные к нестандартной, эмоционально насыщенной профессиональной деятельности.

Из 12 выполнивших тест **шорцев** к первой группе относятся 4 человека, а ко второй – 5, т. е. они по своим характеристикам приближаются к кумандинцам и туболарам.

В итоге можно заключить, что до половины респондентов мало пригодны для функционирования в жестко регламентированных социальных структурах. Кроме этого, даже у тех, кто вошел в первую группу, примерно в половине случаев наблюдается «неблагоприятные» показатели ФАМ – избыток левшества и/или неопределенных асимметрий, что может существенно осложнить адаптацию к жестким, социальным условиям, особенно если нормы имеют рациональный, «левополушарный» характер и относятся к чуждой культуре.

Эмоциональная направленность представителей коренных малочисленных народов

Результаты многочисленных исследований показывают, что принадлежность человека к тому или иному эмоциональному типу заметно сказывается на общей структуре его эмоциональной жизни. Главная тенденция состоит в том, что каждый тип имеет присущую ему основную направленность колебания самочувствия «от счастливого до несчастного». Для альтруистов она лежит в координатах переживаний «единения с людьми – отчуждения от них»; для романтиков в координатах «необычайности – обыденности» и т. п.

Такое различие встречается у лиц, объективно находящихся в одних и тех же жизненных условиях. Оно, следовательно, не ситуативное, а личностное, выявляя дифференциацию людей уже не по их направленности, а по их характеру. Результаты исследования эмоциональной направленности личности (ЭНЛ) показали следующее.

Из 10 респондентов **тубалар** у 7 доминировал альтруизм, у 6 – практичность и у 4 – коммуникативность. Из 12 опрошенных **кумандинцев** у 8 доминировал альтруизм, у 11 – коммуникации, у 5 – практичность и у 5 – лиричность. Среди 20 **телеутов** у 18 – доминирование альтруизма, у 13 – коммуникации, у 16 – практичность, у 7 – познание и у 6 – аквизитивная ЭНЛ (приобретательство). Среди 12 **шорцев** выявлены следующие ЭНЛ: альтруизм и коммуникативность (по 12 чел.), лиричность (6) и практичность (5).

Таким образом можно утверждать, что доминирующей ЭНЛ у малых коренных народов является альтруизм (что сильно коррелирует с инстинктами) и коммуникативность. Тубалары, телеуты и шорцы более практичны (скорее рационалистичны), кумандинцы и шорцы более лиричны, а кумандинцы и шорцы более лиричны (грусть, тоска по прошлому).

Очевидно, что общей сходной направленности у каждого народа существует свой специфический эмоциональный фон, свое отношение к миру, которое надо учитывать при формировании программ развития территорий. Вместе с тем доминирующей является альтруистическая ЭНЛ – практически противоположная доминирующей направленности современного рыночного, либерального общества.

Некоторое представление о ЭНЛ современного общества дают исследования на студентах и специалистах различного профиля. У студентов Астраханского университета (физики, юристы) и учеников лицей доминировали следующие ЭНЛ: пугническая,

глотическая, гедонистическая (у юношей) и коммуникативная, эстетическая и аквизитивная (у девушек) [7; 16]. При этом уровень колебаний значений не очень сильный, т. е. к доминирующим ЭНЛ близко подходят ЭНЛ «второго» уровня, что совершенно не выражено у представителей малых народов.

Исследования, проведенные на врачах и учителях (т. н. группа «помогающих» профессий) выявили четкое доминирование альтруистической, коммуникативной и практической направленностей [6, с. 189], что очень сходно с показателями у представителей малых народов. Однако у представителей таких профессий, с такими ЭНЛ крайне высок риск профессионального выгорания, что дополнительно свидетельствует о низких адаптивных возможностях в современном обществе у представителей исследованных народов (как и у представителей помогающих профессий).

Таким образом, результаты проведенного исследования наглядно показали, что в структуре интенциональной направленности представителей исследованных этносов отчетливо просматриваются особенности, которые можно объединить в комплекс, обеспечивающий успешную адаптацию к традиционным условиям существования и провоцирующий нарушения адаптации в современных социально-экономических условиях, которые формируются доминирующей нацией, государством. Такой этнофункциональный комплекс формируется веками и тысячелетиями и современные социальные, экономические и культурные трансформации оказывают на него в большей степени разрушительное действие, что и проявляется на уровне интенции в несовпадении базовых направленностей и требований профессиональной деятельности, культурной среды, информационных потоков [17].

Попытка силовыми способами, административно «принудить» представителей малых коренных этносов включиться в социально-экономические отношения угрожает не только разрушением и гибелью этих сообществ, культур, этносов, но и болезнями и алкоголизмом для конкретных представителей. В связи с этим на первый план выходит слабо разработанная проблема сочетания в ментальности коренных народов, их традиционного мировоззрения, необходимого для сохранения их этнической идентичности, с русской культурой, экономикой, производством. Кроме этого, во весь рост встает вопрос об интеграции культуры малых коренных народов в общую культуру, в социально-экономическую практику, что является трендом XXI века. Все это укладывается в концепцию «диалога культур», интенсивно разрабатываемую в различных областях знания с активным участием отечественных исследователей [8].

Результаты нашего исследования могут быть применены в практике и внести ценный вклад в актуальную на сегодня, значимую область исследований, направленных на изучение процессов интеграции коренных малочисленных народов в «большое» общество.

Литература

1. Гарбузов В. И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. СПб.: Сфера, 1994. 160 с.
2. Гарбузов В. И. Инстинкты человека. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. 477 с.
3. Гольдшмидт Е. С. Функциональная асимметрия мозга у детей. Особенности развития в различных социально-педагогических условиях. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
4. Гольдшмидт Е. С. Интенционально-поведенческие аспекты развития // Интегральная психология: контуры, уровни, линии развития: коллективная монография / под ред. И. С. Морозовой. Кемерово, 2010. С. 57 – 69.
5. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
6. Доценко О. Н. Эмоциональная направленность как фактор «выгорания» у представителей социэкономических профессий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 92 – 101.
7. Зими́на В. Ю. Герасимова А. С. Взаимосвязь эмоциональной направленности студентов и их мотивационной готовности к научно-исследовательской деятельности // Современные научные исследования: методология, теория, практика: материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 24 февраля 2014). Челябинск: Сити-Принт, 2014. С. 25 – 35.
8. Кокшаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур // Электронный ресурс Интернет: Credo New. № 3 (2003). Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/352/55>
9. Леутин В. П., Николаева Е. И. Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга. Новосибирск: Наука, 1988. 192 с.
10. Либин А. В., Либина А. В., Либин В. В. Психографический тест: конструктивный рисунок человека из геометрических форм. М.: Эксмо, 2008. 368 с.
11. Назын-оол М. В., Будук-оол Л. К. Функциональная асимметрия мозга и обучение: этнические особенности. М.: Академия Естествознания, 2010. 143 с.
12. Никиреев Е. М. Направленность личности и методы ее исследования: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2004. 192 с.
13. Перевалов Р. В., Кувшинова Т. И., Гольдшмидт Е. С. Сравнительное исследование доминирующих инстинктов у студентов КемГУ // Материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции: образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей. КемГУ. Кемерово, 2015. Вып. 16. С. 650 – 655.
14. Поддубиков В. В. Коренные народы на пути устойчивого развития: традиционное природопользование и проблемы сохранения природно-культурного наследия (опыт Алтае-Саянского экорегиона) // Соврем. исслед. соц. проблем. 2012. № 3. С. 61 – 69.
15. Семке В. Я., Чухрова М. Г., Бохан Н. А., Куприянова И. Е., Рахмазова Л. Д. Психическое здоровье коренного населения Восточного региона России. Томск; Новосибирск: Альфа Виста, 2009.
16. Спиридонова Н. Ю. Учет профиля эмоциональной направленности личности в процессе выбора профессии // Вестник университета. М.: Государственный университет управления, 2010. № 11. С. 113 – 115.
17. Сухарев А. В., Панкова С. Ю., Соснин В. А., Чулисова А. П. Роль этнофункциональных параметров в психологической адаптации коренных народов Сахалинской области (на примере нивхов) // Пространство и время. 2015. № 1 – 2(19 – 20). С. 279 – 288.
18. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 736 с.
19. Холодцева Е. Л. Исследование конкурентоспособности в системе разноуровневых характеристик специалистов социальной сферы // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 29 – 32.
20. Чухрова М. Г., Курилович С. А., Леутин В. П. Патофизиологические и психосоматические аспекты потребления алкоголя в Туве. Новосибирск, 1999. 148 с.

Информация об авторах:

Гольдшмидт Евгений Семенович – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования КемГУ, goldschmidtes@yandex.ru.

Evgeny S. Goldshmidt – Candidate of Biology, Associate Professor at the Department of Psychology of Education, Kemerovo State University.

Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией этносоциальные и этно-экологические геоинформатики КемГУ, poddub@gmail.com.

Vladimir V. Poddubikov – Candidate of History, Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2015 г.